

На правах рукописи

Дранникова Наталья Васильевна

**Локально-групповые прозвища в традиционной
культуре Русского Севера:
функциональность, жанровая система, этнопоэтика**

Специальность 10. 01. 09. Фольклористика

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук**

Архангельск

2005

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы
Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Научный консультант: **член-корреспондент РАН, доктор
филологических наук В.М. Гацак**

Официальные
оппоненты: **доктор филологических наук
В.А. Бахтина
доктор филологических наук
Т.Г. Иванова
доктор филологических наук,
профессор Ю.А. Новиков**

Ведущая организация: **Центр гуманитарных проблем
Баренц-региона Кольского науч-
ного центра РАН**

Защита диссертации состоится 13 апреля 2005 г. в _____ час. на заседании
Диссертационного совета Д.002.209.03 по защите диссертаций на соискание
ученой степени доктора филологических наук при Институте мировой
литературы РАН им. А.М. Горького по адресу: 121069, г. Москва,
ул. Поварская, д. 25-а.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института мировой
литературы РАН им. А.М. Горького.

Автореферат разослан «12» мая 2005 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
кандидат филологических наук

СП. Сорокина

Общая характеристика работы

Актуальность и теоретическая значимость

Обширную сферу традиционной культуры образуют локально-групповые прозвища и тексты, содержащие их и характеристики местных сообществ. Коллективные прозвища (присловья), песни, частушки, прозвищные нарративы фиксировались собирателями гораздо реже, нежели произведения «классических» жанров. Актуальность исследования вызвана следующими причинами.

Во-первых, в науке существует недостаточно работ, где прозвищный фольклор рассматривался бы как целостное и многожанровое явление. Исключение составляют кандидатская диссертация И.Ю. Карташовой «Прозвища как явление русского фольклора», защищенная в 1985 году и написанная на уральском материале, а также некоторые работы этнологов и лингвистов: Т.А. Бернштам, Е.В. Ухмылиной, А.Ф. Журавлева, Н.Г. Гордеевой и др. В 2002 году Ю.Б. Воронцовой (Поповой) (г. Екатеринбург) была защищена кандидатская диссертация «Коллективные прозвища в русских говорах», представляющая собой лингвистическое исследование коллективных прозвищ как факта русского ономастикона. Лишь в последние годы XX столетия коллективные прозвища стали объектом целенаправленного собирания, об этом свидетельствуют статьи фольклористов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Процессам функционирования коллективных прозвищ на границах бывшей Великопольши посвящено исследование польского ученого Яцека Шмидта.

Во-вторых, происходящее в наше время расширение предметной области фольклористики и соответствующая этому тенденция к междисциплинарности в рассмотрении фольклорных явлений позволяют осуществить комплексное фольклористическое исследование, взаимодействующее с такими научными дисциплинами, как этнология, лингвистика и с ее разделом - ономастикой.

В-третьих, явление прозвищной словесности рассматривается нами в динамике; в работе исследуется не только то, как устроена прозвищная культура, но и то, как она устраивается. Комплексное исследование присловий позволяет реконструировать фольклорную «картину мира».

В-четвертых, нами предпринимается анализ культурной символики прозвищного фольклора. Мы полагаем, что помимо традиционного значения прозвища в каждом из жанров, в котором происходит его репрезентация (паремии, песни и частушки о различных по наименованиям деревнях, нарративы, фольклор речевых ситуаций), у него присутствует свое дополнительное значение. Для его выявления необходим многожанровый и кроссжанровый анализ фольклора, содержащего ЛПП и характеристики местных сообществ.

В-пятых, в своем исследовании мы пытаемся установить особенности репрезентации локальной идентичности жителей Архангельского региона.

Предмет исследования

Объектом нашего исследования являются тексты, содержащие коллективные, или локально-групповые, прозвища и характеристики, которые даются представителям, различных местных групп. Терминологически мы считаем возможным называть их «присловьями» (В.И. Даль, Д.К. Зеленин, И.Ю. Карташова и др.). Русской фольклористикой была заложена традиция их объединения с прозвищами-номинативами, которой мы и придерживаемся в своей работе.

Цель и задачи

Целью нашей работы является проведение комплексного этнопоэтического исследования одной из областей традиционной культуры, связанной с использованием локально-групповых прозвищ и характеристик местных сообществ.

Эта цель определяет следующие задачи:

- раскрыть историю собирания и изучения локально-групповых прозвищ;
- показать контекстуальность, функциональность и состав фрагмента традиционной культуры, содержащего локально-групповые прозвища;
- разработать лексико-семантическую классификацию присловий;
- выявить область значений текстов, связанных с мотивацией коллективных прозвищ;
- представить корпус фольклорных текстов, репрезентирующих устную традицию выделения местных сообществ, и проанализировать его жанровую специфику;
- осуществить анализ культурной символики жанров, в которых происходит речевая манифестация локально-групповых прозвищ;
- выявить особенности репрезентации локальной идентичности жителей Архангельского региона, используя данные прозвищного фольклора.

Терминология соответствует задачам и методам. Мы считаем возможным называть население одной деревни или села локальной микрогруппой, так как население многих из них представляет собой специфическое культурное пространство с особым самосознанием. В отношении группы деревень или сел, существующих в большом временном отрезке, нами используется термин «поселенческая группа».

Методологические подходы и исследовательские процедуры

В основу изучения феномена традиционной культуры, включающего в себя локально-групповые прозвища и характеристики местных сообществ,

положен комплексный подход, который опирается на сравнительно-типологический (сравнительный анализ текстов в диахронном плане), историко-генетический (выявление генетических истоков исследуемого явления, а также конкретных мотивов и образов) методы.

В работе были учтены и использовались результаты современных структурно-семиотических исследований.

Был осуществлен текстологический анализ материала с использованием, прежде всего, лексико-семантического и лексикографического методов.

Методы собирательской работы были традиционными: беседа, интервью, опрос, а также метод включенного наблюдения, который позволял фиксировать тексты при работе в знакомой собирателю среде. Собиратели работали по специальным программам и вопросникам, которые в процессе работы постоянно корректировались, расширялись и уточнялись. Благодаря этому стало возможным провести фронтальное обследование ряда районов Архангельской области (Пинежского, Мезенского, Приморского). Вопросники разрабатывались с целью фиксации самоназваний и названий (прозвищ) различных местных сообществ и их мотивировок. Преимущественное внимание в них уделялось записи текстов, содержащих коллективные прозвища и характеристики местных сообществ: песен, частушек, нарративов, паремий. Нами фиксировалась также городская прозвищная традиция (в городах Архангельск, Новодвинск, Северодвинск).

В соответствии с задачами работы был применен метод картографирования.

Собранный материал верифицировался путем повторных записей и фиксирования вариантов.

Источники исследования

Исследование предпринято на материале записей, сделанных на территории Русского Севера и северо-запада России (Архангельской, Вологодской, Кировской, Мурманской, Новгородской областей, Карелии и Республики Коми). Это позволило ввести в научный оборот новые ментифакты (Б.Н. Путилов) и тексты народной культуры. Большая часть материала была записана в Архангельской области. Это объясняется несколькими причинами. Прежде всего тем, что Архангельский Север был зоной активных этнических контактов, которые усиливали развитие прозвищной традиции в регионе. Кроме того, удаленность и труднодоступность ряда районов области привели к обострению субэтнического сознания их жителей и желанию сохранить ими свою инаковость. В Архангельской губернии коллективные прозвища и тексты, содержащие их, получили весьма широкое распространение, чему способствовала история заселения этого края русскими и особенности

хозяйственного уклада местных жителей. Нередко на берегах одной и той же реки, а порой в расположенных по соседству группах деревень живут потомки переселенцев из разных областей России. На протяжении столетий они активно общаются и со своими соплеменниками, и с представителями коренных народов. Занимаясь охотой в лесу, зверобойным промыслом, рыбной ловлей, торговлей и лесосплавом, северяне издавна ведут мобильный образ жизни, хорошо осведомлены о поселениях, на сотни километров отстоящих от их родных деревень. Все это актуализирует противопоставление «своих» и «чужих» и способствует не только созданию большого массива оригинальных произведений прозвищного фольклора, но и проникновению соответствующих мотивов и формул в другие жанры народного творчества. Эти факторы стимулировали создание «своих» текстов, понятных только локальным группам. В качестве сравнительного материала в исследовании привлекаются также тексты, относящиеся к другим регионам России.

Источники нашего исследования можно разделить на несколько групп:

- 1) полевые записи, хранящиеся в архиве Лаборатории фольклора Поморского государственного университета, в Фольклорном архиве Рукописного отдела Института русской литературы РАН, в Научной картотеке топонимов Карелии и сопредельных областей Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН и собственные записи диссертанта;
- 2) тексты, почерпнутые из книг И.П. Сахарова, И.М. Снегирева, С.В. Максимова, П.С. Ефименко и др.; статей А.Ф. Можаровского, П.А. Дилакторского, В.Е. Верещагина, Д.К. Зеленина, А.А. Чарушина, А.Н. Сергеева, К.М. Петрова и др.;
- 3) фольклористические, этнографические и лингвистические труды авторов, которые публикуют и цитируют интересующие нас тексты;
- 4) словари говоров, пословиц и поговорок, диалектные, этнографические и др.

Большая часть материалов собрана автором или под руководством автора студентами факультета филологии и журналистики Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова во время экспедиций по Архангельской области и фольклорной практики. Исследуются также студенческие самозаписи. Материалы, собранные преподавателями и студентами Поморского государственного университета, составляют около шестидесяти процентов общего количества текстов созданной нами базы данных «Локально-групповые прозвища и характеристики местных сообществ».

Среди информантов высок процент молодежи - почти треть от общего числа (в возрасте до двадцати лет - одиннадцать процентов, до тридцати лет - девятнадцать процентов). Это объясняется тем, что многие собиратели-студенты сами являлись носителями прозвищной традиции и в процессе сбора материала делали самозаписи. Наибольшее количество записей (сорок шесть процентов) - почти половина - получено от исполнителей старшего поколения в возрасте свыше шестидесяти лет, которое является главным хранителем народных традиций. Записи от представителей среднего поколения в количественном отношении уступают названным выше возрастным группам. Анализ возрастного диапазона информантов позволяет сделать вывод об активном бытовании прозвищного фольклора в наши дни. Большая часть исполнителей проживает в сельской местности (семьдесят процентов). Развитая система прозвищ свидетельствует о том, что в ней отражается важная грань коллективного сознания. Через знание этих прозвищ выражается принадлежность исполнителя к местному сообществу.

Степень исследованности

В работе мы исходим из расширительного понимания предметного поля фольклора, сложившегося в современной фольклористике (А. Дандес, Б.Н. Путилов, В.М. Гацак, С.Ю. Неклюдов, И.А. Разумова). Рассмотрение фольклорных явлений в комплексе с другими явлениями народной культуры и прежде всего с коллективными, или мифологическими, представлениями, ритуальными практиками, различными внетекстовыми компонентами фольклорных явлений было характерно для таких классиков науки о народной словесности, как Ф.И. Буслаев и А.Н. Веселовский. В частности, А.А. Потебня высказал мысль о том, что обряд или сюжет могут сворачиваться до одной поговорки или фразеологизма. Процесс экспликации сюжета поговорки в сказке исследовал в своей книге Г.Л. Пермяков². Как отмечал Н.И. Толстой, в слове или полуфразеологизме может происходить максимальная конденсация фольклорного сюжета или мотива³. Такой полуфразеологизм

¹ Потебня А.А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. Харьков, 1894. С. 93-94.

² Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки: Заметки по общей теории клише. М., 1970 (Исследования по фольклору и мифологии Востока).

³ Толстой Н.И. Язык и культура // Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. с. 25.

представляет собой не только вербальный символ - параллельно с ним действует предметная и акциональная символика. Слово включается в микрообряд. Таким образом, и одно слово может быть предметом исследования фольклористики. На необходимость исследовать «гномические», или малые, тексты указывал Г.А. Левинтон. По его мнению, они «имеют значение словаря мотивов. В них более в эксплицированной форме выражены мотивы ритуала...»⁴. О перспективности включения в сферу традиционной словесности всех вербальных форм фольклора писал Б.Н. Путилов. Он относил к фольклору все, что отмечено памятью традиции, типовой формой исполнения, вплоть до одного слова, имеющего привычную для конкретной группы людей семантику. Глубокое исследование, посвященное семантике фольклорного слова и предпринятое на богатом фактическом материале, извлеченном из различных жанров фольклора, осуществил А.Т. Хроленко. Он доказал, что в семантике фольклорного слова на первый план выходят знаковость, символичность, оценочность, иерархичность и др. Эти компоненты семантики и являются основой для различного рода парадигматических связей слов в устном народном творчестве.

Прозвища - краткие стереотипные формулы, которые занимают промежуточное положение, перебрасывая своеобразный «мостик» от языка к фольклору. Они могут создавать амплифицированную структуру, которая возникает благодаря их присутствию в различных жанрах устного народного творчества. Мы рассматриваем прозвищный фольклор в контексте обряда, где слово / фразеологизм обретает многоуровневые интертекстуальные связи, создавая возможности для появления отдельных жанров с «прозвищной ориентацией» - нарративов и песен. Итак, речевая манифестация прозвищ может быть в виде (а) лексемы, (б) изречений пословичного и поговорочного типов, (в) поэтически организованного текста, (г) нарративов.

Пристального внимания заслуживают объяснения присловий, которые даются исполнителями. Целесообразности их использования учеными большое значение придавал Б. Малиновский. По его мнению, противоречивость толкований не должна пугать исследователя, так как она свидетельствует о многозначности символов. В. Тэрнер выделял у символа «экзегетический уровень», который актуализируется исполнителями в ритуальной системе и может быть раскрыт

⁴ Левинтон Г.А. К вопросу о «малых» фольклорных жанрах: их функции, их связь с ритуалом // Этнолингвистика текста: Семантика малых форм фольклора М., 1988. с. 148.

исследователями. Он указывал на то, что толкования нужны для адекватного перевода культурных символов на «наш язык»⁵. Они позволяют точнее выяснить семантику культурных символов.

В работе обращается внимание на инклюзивность исследуемого материала, так как для него большое значение имеют контекстные связи. Для нас важен анализ самого коммуникационного процесса. Понятие *performans* (исполнение) и *kommunikation* (общение) активно разрабатываются отечественной и зарубежной фольклористикой (К.В. Чистов, А.-Л. Сникала, Л. Харвилаhti, А. Кайвола-Брегенхёй, М. Суояйнен и др.). Контекстуальный характер повествований (нарративов), рассказчик и повествование в перформансе, коммуникативная природа повествования, семантика нарратива не только в общем, но и в конкретно заданном времени и месте - вопросы, над которыми активно работают российские и зарубежные исследователи. В исполнении присловий важна интонация, с которой они произносятся, мимика и жестикуляция. Прозвище может сопровождаться передразниванием. Наряду с ситуативным контекстом, связанным с перформансом, нами исследуются дискурсивный, культурный (включающий в себя факторы, относящиеся к исполнителю и окружающей его культурной среде) и жанровый контексты.

Наименее исследованной оказалась поэтика этого явления, которую в отношении изучаемого в работе феномена традиционной культуры необходимо рассматривать как этнопоэтику, на что обращает внимание В.М. Гацак. Понятие традиции соотносится с понятием социальной, этнической и конфессиональной групп носителей традиции. Ядро прозвищ связано с этносом различными уровнями отношений: от микролокальных (прозвища жителей какого-то одного сельского околотка) до межэтнических (прозвища соседних народов). Любое сообщество имеет свои, известные только ему тексты, которые, как пишет А. Дандес, помогают группе осознать групповое тождество. Исследователь дал более широкое понимание слова народ: «Каждая деревня или город также представляет из себя народ со своими собственными местными названиями и легендами»⁶.

Прозвищный идиолект может существовать на уровне жителей одного дома (в городе) или околотка/конца деревни, села и бытовать на уровне целого ареала. Присловья одинаково интерпретируются и воспринимаются только ограниченной группой индивидов (Р. Барт).

⁵Тэрнер В. Символ и ритуал. М: Наука, 1983. С. 41

⁶ Dundes, A. 1995: What Is Folk Law? Essays in the Theory and Practice of Lex Non Scripta: Volume 1-2. The university of Wisconsin Press: 1 - 4. P. 1-2

Прозвищный фольклор - одна из многочисленных групповых форм фольклора. Групповое сознание находит выражение в развитой прозвищной традиции. Каждая группа характеризуется общностью речевого поведения, своими формами словесной коммуникации и набором клишированных текстов, своими культурными текстами и своим прозвищным тезаурусом.

Термин «текст» употребляется нами в различных значениях. В-первых, под «текстом» мы традиционно понимаем отдельную запись, вариант. Во-вторых, понятие «текст» используется нами в семиотическом ключе и включает в себя вербальный, кинетический, предметный, акциональный и другие коды.

Мы рассматриваем прозвищную парадигматику в исторической динамике. Привлекаются материалы XIX века и летописей.

Практическая значимость работы заключается в том, что ее результаты могут быть использованы в вузовских курсах «Устное народное поэтическое творчество», «Этнология», в лингвистических дисциплинах, занимающихся изучением современного русского языка, при написании учебных пособий. Сложившаяся в процессе исследования методика может быть использована в работе над словарем локально-групповых прозвищ, корильных песен о разных по наименованиям деревнях и нарративов. Вопросы могут быть применены при собирании материала по прозвищному фольклору и для создания исследовательских и экспедиционных программ. Опубликованные впервые материалы являются ценными источниками для специалистов различных наук.

Апробация работы. Результаты исследования были изложены в докладах на международных и республиканских конференциях: «Народная культура Русского Севера» (Архангельск, ПГУ, 1998); «Мастер и народная художественная традиция Русского Севера: Рябининские чтения-1999» (Петрозаводск, музей Кижи, 1999); «Русская народная культура и ее этнические истоки» (Пошехонье, ИМЛИ, 1999); «Славянская традиционная культура и современный мир» (Москва, Центр русского фольклора, 2000 г.); «Фольклор и художественная культура» (Москва, Центр русского фольклора, 2001); «Славянская традиционная культура и современный мир» (Москва, Центр русского фольклора, 2002); I и II Российско-финских симпозиумах «Народные культуры Русского Севера. Фольклорный этнитет этноса» (Архангельск, ПГУ, 2001; Архангельск, ПГУ, 2003); VII и VIII Международных Школах молодого фольклориста «Комплексное собрание, систематика,

экспериментальная текстология» (Архангельск, ПГУ, 2001, 2003); «Славянская культура в современном мире» (Архангельск, ПГУ, 2002); научной конференции «"Мужское"» в традиционном и современном обществе» (Москва, ИЭА РАН, 2003); конференции, посвященной 30-летию со дня открытия Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» (Архангельск, музей «Малые Корелы», 2003); X Международной конференции "Европейская русистика и современность: Русское слово в изменяющейся картине мира» (Познань, Польша, Институт русской литературы им. А. Мицкевича, 2003); на международных конференциях «Wewnetrzne zroznicowanie jezuka wsi» (Обжицко, Польша, Институт польской филологии, 2004) и «Современная герменевтика и интерпретация художественного текста (лингвистический, литературоведческий и дидактический аспекты)» (Вильнюс, Литва, Вильнюсский педагогический университет, 2004). Основные положения и выводы диссертации были отражены в статьях и монографии.

Структура диссертации

Диссертация состоит из введения, 7 глав, заключения, списков сокращений и библиографического, а также указателя присловий-прозвищ. Раздел «Приложения» включает в себя 5 наименований. В «Приложение I» даны полные тексты корильных песен и частушек о разных по наименованиям деревнях из архива Лаборатории фольклора Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова, включая собственные записи диссертанта. «Приложение II» содержит корпус текстов, раскрывающих различные мотивации ЛГП (нарративы и фольклор речевых ситуаций). Все публикуемые тексты также хранятся в архиве Лаборатории фольклора ПГУ. Кроме этого, в приложениях находятся списки исполнителей и собирателей, краткий словарь диалектной и малоупотребительной лексики.

В книгу - две карты: первая - «Деревни, прозвища которых вошли в песню "Ходит Ваня по угору" (Лешуконский район Архангельской области)», вторая - «Ареалы распространения орнитонимических прозвищ».

Основное содержание диссертации

Во Введении определены цель и задачи, актуальность, научная новизна и методы исследования. Излагаются основные теоретико-методологические положения, касающиеся определения предмета исследования. Базовыми являются труды Б.Н. Путилова, Н.И. Толстого, В.М. Гацака, А.К. Байбурина, Г.Л. Пермякова, А.Т. Хроленко.

Глава I «Историография вопроса»

В § 1 «История терминологии» рассматривается историография вопроса о *присловьях, коллективных прозвищах* (далее - КП), *регионально-групповых прозвищах* и т. п., обосновывается необходимость введения нового термина *локально-групповые прозвища* (далее - ЛГП). Отмечается, что в науке до сих пор дискуссионным остается вопрос об употреблении термина «присловье». Лингвисты понимают под ним народный афоризм, фольклористы - локально-групповое прозвище и афоризм.

В § 2 «**Публикация присловий**» характеризуются основные этапы истории собирания и публикации локально-групповых прозвищ. Поскольку исследование носит междисциплинарный характер, в необходимых случаях привлекаются лингвистические, этнологические и фольклористические работы.

В § 3 «**Изучение локально-групповых прозвищ**» делается вывод о том, что XIX век - это период активной публикации текстов, научное осмысление которых начинается работами Д.К. Зеленина. В XX веке локально-групповые прозвища более активно исследуются в ономастике. Интенсивнее они начинают изучаться представителями смежных наук - Н.Г. Гордеевой, А.А. Ивановой, Ю.Б. Воронцовой (Поповой) с 1990-х годов. Во многом это вызвано актуализацией междисциплинарного подхода к объекту гуманитарных наук и развитием этнолингвистического, этнопоэтического направлений.

Глава II «Функциональность и состав прозвищного фольклора»

В § 1 «**Контекстуальность ЛГП**» раскрывается контекстуальность прозвищного фольклора. Исследуемый материал обладает единой ситуативной, дискурсивной, культурной, когнитивной и жанровой контекстуальностью. Сфера его ситуативного контекста связана с понятием «перформанса». Произнесение прозвищ часто сопровождается смехом или улыбкой - исполнители осознают их пейоративность. Они неохотно признаются в использовании ими ЛГП.

Коммуникативные ситуации, в которых происходит вербализация КП, довольно типичны: к ним относятся ссоры, встречи, драки и т. п. Коммуникативная интенция прозвищ связана с раздражением и недовольством по отношению к их адресатам или же с насмешкой в их адрес.

К дискурсивному, или экстралингвистическому, контексту присловий относятся комментарии, оценки, которые даются исполнителями, структурные ударения и др. Под дискурсом понимается связный текст в сочетании с экстралингвистическими факторами (Н.Д. Арутюнова).

Культурный контекст присловий включает в себя факторы, относящиеся к исполнителю (его занятия, образование и пр.), и факторы, относящиеся к культурной среде, в которой он живет. Его репрезентируют мотивации прозвищ, которые даются по специфическим этнодифференцирующим признакам сельских сообществ, в некоторых случаях они возникают только как рефлекс на неожиданное поведение «соседей», изменение в их одежде, профессиональной деятельности и т. п.

Когнитивный контекст связан с ментальной сферой микрогрупп. Он включает в себя объекты самосознания и осознания других сообществ, различного рода ассоциации, с ним соотносится категория оценочности.

ЛПП сохраняют элементы табуирования речи. Они имеют тенденцию превращаться в ругательства и переходить в область некодифицированной лексики, приобретая тем самым свойства инвективы, цель которой - понизить самооценку соседнего сообщества и вызвать с его стороны определенные действия.

Жанровый контекст соотносится с существующей системой фольклорных жанров.

В § 2 «Функциональность» исследуемая нами область традиционной культуры рассматривается как одна из разновидностей группового фольклора, в котором выделяются эндонимы (самоназвания) и эндонимичные характеристики (созданные внутри сообществ), а также экзонимы и экзонимичные тексты, посвященные соседним микрогруппам.

Основными для присловий являются интегрирующая функция, воспроизводящая групповую солидарность и систему исторически сложившихся культурных значений; функция размежевания микрогрупп (присловья позволяют выделить мелкие группы этноса). Также одной из главных для них мы считаем характеризующую функцию и производную от нее функцию осмеяния соседних микрогрупп. Конативная функция является функцией восприятия и позволяет говорить об эмоциях сообщества, к которому относится прозвище. Фатическую функцию выполняют приветствия и дразнилки. Принадлежа одновременно фольклору и языку, присловья обладают метаязыковой, развлекательной и орнаментальной функциями.

При реконструкции возможно выявление обрядовой функции, связанной с их исполнением в календарные праздники, и апотропеической, которая выступает как антикоммуникативная.

Исследование прозвищного фольклора вводится в контекст обряда. Экспедиционные материалы позволяют утверждать, что в недалеком прошлом тексты, содержащие ЛПП, имели обрядовую функцию. Нами были отмечены исполнения прозвищных песен (а) в период святок, (они посвящались мужчинам и в них содержались характеристики их жен - уроженок других деревень); (б) во время масленичных катаний с гор на Верхней Пинеге, где они были составной частью мужского репертуара; (в) в съезжие праздники на Масленицу (среднее течение Пинеги).

Ритуализованность - свод повседневных правил, имеющих обязательный характер и лишенный сакральности. Песни исполнялись в ритуализованной обстановке: во время совместных гуляний молодежи из разных сел. Прозвища могут быть фактом бытового этикетного поведения, который занимает низшее место среди символических форм поведения (драки, ссоры, встречи и т. п.).

Поддержанию прозвищной традиции способствовал тип хозяйственной деятельности поселенческих групп. Ритуализованный обмен прозвищами происходил между представителями различных деревень во время сплава леса, зверобойной кампании, добычи рыбы.

Как правило, локальная самоидентификация осуществляется на нескольких уровнях: от более мелкой группы к более крупной. Первому соответствует уровень деревни или села, второму - района (уезда) или какой-то его части, третьему - области (губернии). Структуру локальной самоидентификации можно сравнить с матрешкой: мелкое сообщество входит в состав более крупного и т. д. Проиллюстрируем это конкретным примером: жители деревни Кянды (Онеж.) - *бахилы*, Онежского района (Арх.) — *стерлядники*, Архангельской области — *трескоеды*.

КП позволяют выделить несколько крупных групп на территории Северо-Западного региона России: *трескоеды* (архангелогородцы), *ножовши* (вологжане и жители южных районов Архангельской области, ранее входивших в состав Вологодской губернии), *слепороды* (вятчане, ныне жители Кировской области). Жителей Псковской области по всей России называют *скобарями*, Новгородской — *гущедами*, или *гущей*, и т. п.

ЛПП являются одной из разновидностей группового фольклора. Они выступают в роли «индикаторов» местных сообществ. Каждое из них имеет свое речевое поведение. Как показал предпринятый нами анализ, на территориях Архангельской и соседних с нею областей существуют различные локальные группы, ареалы проживания некоторых из них совпадают с современными административно-территориальными единицами: *мамоны* (жители Няндомского района, входившего до начала XX века в состав Каргопольского уезда Олонецкой губернии);

каргопольщина /жгана я оглобля /чудь белоглазая /толоконники - жители Каргопольского уезда / района, *икотники* - пинежане (Пинежский уезд / район), *шенкурята /ваганы косопузы /кособрюхие* — жители Шенкурского уезда / района, *смолокеры* — жители Вельского уезда / района, *кофейники /штенники* - мезенцы в среднем и нижнем течении реки Мезени, *усьяки /зырь /зыряне* - население Устьянского района, *тестогеды /тестяники* - жители Заонежья (Карелия) и др.

Самоназвания часто отсутствуют на границах проживания локальных групп, исторически входивших в состав другой административно-территориальной единицы. Существуют группы, не имеющие своего ЛГП. К ним относится население Лешуконского, Плесецкого, Коношского районов Архангельской области. Как мы полагаем, это объясняется историей данных регионов. В прошлом они входили в состав других уездов (Мезенского Архангельской; Каргопольского и Пудожского Олонецкой; Вельского Вологодской губерний). В XX веке они оказались на границе, периферии своей бывшей административно-территориальной единицы, поэтому у них и у их соседей не сложилось восприятие себя / их как самостоятельной локальной группы.

ЛГП являются критерием идентификации, элементом, с помощью которого строится групповая идентификация. В современном прозвищном дискурсе наблюдается активное использование ЛГП во внутригрупповом общении как одном из способов восприятия «чужого», реже ЛГП стали появляться в межгрупповых контактах.

В § 3 «Структурная **классификация ЛГП**» представлена разработанная нами классификация ЛГП. Все их виды разделены на разряды в зависимости от того, являются ли они номинативами, изречениями пословичного и поговорочного типов или развернутыми текстами поэтического либо прозаического характера. ЛГП встречаются в различных жанрах фольклора: от пословицы и поговорки до устного рассказа и былины. Традиция ЛГП сохранилась и в условиях городской жизни («письменной» культуры), где прозвища выступают в роли маркеров населения кварталов и улиц.

Глава III «Мифология имени: прозвищное имянаращение»

В § 1 «**Коллективные прозвища как ономастическая единица**» рассматривается дискуссионный вопрос о том, являются ли коллективные прозвища онимами или же относятся к группе апеллятивов. Мы считаем, что одним из аргументов, позволяющих отнести их к именам собственным является забвение прежних мотиваций ЛГП на синхронном уровне. Мы исходим из того, что имя является носителем определенного смысла. Имя имеет реальный денотат и культурную символику, которая основывается на интерпретации имени.

В § 2 «Табуирование имени в народной культуре» учитывается исторический аспект функционирования ЛПП. Имена собственные (в данном случае - пограничные, близкие им) понимаются мифологическом сознании буквально, как часть денотата, во многом его эксплицирующая.

В параграфе привлекаются различные материалы, свидетельствующие о табуировании имени в культурах различных народов. Анализ механизма переименования (человека, животных, нечистой силы, селений и др.) позволяет предположить, что в реконструкции прозвищная словесность могла восходить к табуированию речи и выполнять обережную функцию. Языковые табу относятся к ритуальным формам речи. Когда имя необходимо было держать в тайне, в ход шло прозвище или уменьшительная форма имени. Редкое свидетельство об обычае скрывать имя селения содержится в книге Д. Фрезера «Золотая ветвь»⁷.

Грубые и оскорбительные названия в традиционной культуре выступают как оберег. В прозвищной словесности Северо-Западного региона России широко используются различные формы экспрессивной лексики, восходящие к ритуальной инвективе.

Предпринятый анализ различного рода переименований позволяет предположить, в переименованиях различных местных сообществ лежал тот же механизм, что и в замене названий других «опасных» явлений.

В § 3 «Прозвищные мотивации и детская речь» обращается внимание на то, что специфика прозвищного дискурса во многом совпадает с особенностями детской речи. Мифологическое сознание во многом близко сознанию ребенка. Этот вывод позволяет соотнести краткие мотивации и нарративы, заключающие в себе объяснения прозвищ, с особенностями детской речи. Объяснения КП вариативны, в них, как и в детской речи, наблюдается «сюрдетерминация» (термин Ж. Пиаже). В прозвищах нередко эксплицируется этноцентричная модель мира. Информация в прозвищном дискурсе подвергается адаптации и устанавливается на основе внешнего сходства. В нем распространены эллиптические формы речи. Действие в них не абстрагируется от носителя. Мифологический характер прозвищ проявляется в их объяснениях.

В § 4 «Звукоподражание и прозвищная словесность» звукоподражательные КП рассматриваются как проявление мифологизма в современной народной традиции. Они основаны на звуковом символизме. В образовании подобных прозвищ обыгрывается сходство звучания антропонима и речевых особенностей сообществ, к которым они относятся. Существует предположение, что в реконструкции звукоподражательные КП (ономатопы) восходят к сакральной и магической речи (Н.И. Толстой, Б.Н. Путилов).

⁷Фрезер Д. Золотая ветвь. М.: Изд-во полит. лит., 1980. С. 281.

§ 5 «Иноэтнические прозвища и когнитивные стереотипы» посвящен анализу иноэтнических образов, использующихся в качестве ЛГП. Образ «чужого» в традиционной культуре подвергается процессу общей мифологизации - от внешности до поведения (Я.В. Чеснов, В.Н. Топоров, Л.Н. Виноградова, И.А. Разумова). Этнически «чужие» воспринимались как вредоносные, их надо было обезопасить — переименовать. Их внешний облик и поведение несут в себе, по распространенному народному представлению, отклонение от нормы. Среди этой группы прозвищ преобладают чужие этнонимы: *турки, французы, японцы, китайцы* и др. В данном параграфе рассматриваются их семантика и культурные коннотации.

Эндонимы и прозвищные интраобразы (носители собственной этнической культуры) воплощают представления о безопасном и естественном мире. Они содержат богатый материал для анализа этнических стереотипов.

§ 6 «Коннотации и мотивации локально-группового прозвища "чудь"» посвящен функционированию и семантике одного из распространенных на территории Архангельской области КП *чудь*. Это связано с историей заселения края и этническими процессами, происходившими в этом регионе. Данный этноним может выступать не только в роли коллективного прозвища, но и топонима, а также семейного антропонима. Как варианты наименования *чудь* мы рассматриваем прозвища *чучкари* и *чухари*.

Существующее в традиционной культуре противопоставление река / приток и верх / низ реки нашло подтверждение в прозвищной традиции. ЛГП *чухари* имеет распространение в верховьях рек и по притокам. В номинации присутствует негативная оценочность.

В § 7 «Ключевые локально-групповые прозвища Архангельского региона» анализируются культурные символы, заключенные в ЛГП, и их коннотации. В главе выделяются ключевые для Архангельской области ЛГП.

Основным содержанием «центральной зоны» этнической культуры являются адаптационно-деятельностные мотивы, которые получают конкретное наполнение путем трансфера (переноса) бессознательного комплекса на реальный объект. Подробно это вопрос рассмотрен в книге С.Н. Эйзенштадта⁸. По результатам нашего исследования, основными концептами, составляющими «центральную зону» этнической культуры Архангельского региона, являются концепты «рыба», «вода», «колдовство», «нишета», «нечистые птицы» и некоторые другие. Прозвище *водохлёбы* возникло в связи с адаптацией к суровой природе. Вода - элемент

⁸Eisentadt, S. N. 1973: Tradition, Change and Modernity. New York.

космогонической системы, занимающий основное место в «картине мира» северянина. Еще одним средством адаптации выступает колдовство. Пинежане и некоторые другие локальные группы приписывали себе качества колдунов. Приспосабливаясь к суровым условиям Севера, они вынуждены были прибегать к магии слова и действия: широкое распространение в регионе имели КП *икотники*, *колдуны* и т. п. Рыба - хтоническое существо, относящееся к миру мертвых. Концепт «рыба» манифестирует прозвище *трескоеды*. ЛГП *лапотники* содержит представления о бедности локальных микрогрупп, к которым оно относится. В прозвищном ономастиконе Архангельской, Вологодской областей и Карелии встречается большое количество орнитонимических прозвищ. Можно предположить, что они носят тотемный характер и восходят к финно-угорской традиции.

Выделенные прозвища (*трескоеды*, *водохлёбы*, *икотники* / *колдуны*, *лапотники* и многочисленные орнитонимические названия) связаны с «низовым» миром и нашли выражение в различных высказываниях, которые приводятся нами в тексте параграфа. Они давались одним сообществом другому по специфическим признакам, являющимися для этих групп различительными. ЛГП репрезентируют идею «перевернутого» мира, где все подвергается осмеянию (Д.С. Лихачев).

Глава IV «Лексико-семантические группы присловий»

посвящена лексико-семантическому анализу присловий, с этой целью используются приемы лексикографического описания.

В § 1 «Терминологический аппарат и подходы» описываются основные подходы к лексико-семантическому анализу присловий и терминологический аппарат, используемый с этой целью.

Лексическое значение репрезентирует номинационный уровень стереотипа. На парадигматическом уровне это позволяет выделять лексико-семантические группы (далее — ЛСГ), которые следует понимать как группы КП, близких друг другу в лексическом и семантическом планах. Выделенные нами ЛСГ соответствуют культурным темам в народной традиции. Каждая из групп содержит этноразличительные признаки, легшие в основу прозвищной номинации. Реже названия сельских сообществ - рефлекс на неожиданное поведение «соседей» и пр.

Мотивационные процессы ЛГП рассматриваются в диахронии. Делаются выводы о тенденциях, связанных с их бытованием во временном континууме. Как показало наше исследование, прозвищная номинация связана с понятием этнического образа.

Исследование присловий как стереотипов позволило проанализировать их лексикографическую репрезентацию и выделить целый ряд ЛСГ. В зависимости от интерпретации, даваемой информантами, одно и то же КП

может входить в различные ЛСГ. В работе выделены основные лексико-семантические группы ЛПП Северо-Западного региона России.

Наряду с термином «лексико-семантические группы» мы используем термин «код». В понимании его мы опираемся на существующее в науке определение: код - «совокупность правил или ограничений (в нашем исследовании - лексико-семантических. - *Н. Д.*), обеспечивающих функционирование речевой деятельности, естественного языка или какой-нибудь знаковой системы: иными словами, код обеспечивает коммуникацию»⁹. Мы исходим из того, что любой пласт языка, объединяющий в себе единицы с общей денотативной направленностью, кодирует информацию об одной из сторон мира.

В § 2 «Географический код» рассматривается группа ЛПП, которая включает в себя прозвища, образованные от географических наименований и объектов, а также бытовые катойконимы, чужие этнонимы и топонимы, прозвища неславянских этносов. В наши дни эта модель прозвищ является одной из наиболее продуктивных. Отмечается некоторая условность ее выделения, так как часть КП, образующих ее, может менять свою денотативную соотнесенность. КП *верхота* может либо сужаться, либо, наоборот, подвергаться амплификации. Не все катойконимы являются ЛПП. Они становятся ими только в том случае, если подвергаются фамильяризации в процессе суффиксального способа образования и паронимической аттракции.

В § 3 «Культурно-хозяйственный код» выделяется группа прозвищ, связанная с культурно-хозяйственными чертами сообществ и включающая в себя несколько подгрупп, формирующихся на основе следующих признаков: а) профессиональная принадлежность; б) кулинарно-гастрономические особенности; в) тип одежды и обуви; г) поведенческие стереотипы; д) особенности бытового уклада.

В § 4 «Культурно-исторический код» выделяется несколько подгрупп, связанных с 1) местной историей, 2) конфессиональной принадлежностью и 3) эзотерическими/магическими представлениями микрогрупп. Культурно-исторический код менее развит по сравнению с культурно-хозяйственным.

§ 5 «Антропологический код» посвящен соматическим и фонетико-лексическим прозвищам. Соматические наименования высмеивают особенности внешности и походки представителей локальных микрогрупп. Внешность - основа этнического стереотипа восприятия. Фонетико-лексические прозвища передают черты говора сельских сообществ, являющегося одним из их важных этнокультурных признаков. Имитация речевых особенностей имеет широкое распространение в прозвищной словесности.

⁹ Словарь терминов французского структурализма // Структурализм: «за» и «против». М: Прогресс, 1975. С. 457

В § 6 «Природный код» указывается, что его составляют КП, относящиеся к фауне и флоре.

Наиболее продуктивны в прозвищной словесности оказались географический, культурно-хозяйственный (профессиональный и кулинарно-гастрономический) и антропологический (фонетико-лексический) коды, большое распространение в некоторых районах Северо-Запада России также получили «птичьи» наименования. Орнитонимический код, как и ихтионимический, распространен в субстратных зонах, там, где в диахроническом плане сильнее ощущаются связи с финно-угорским населением. Менее развиты культурно-исторический и микологический коды. Практически не встречаются ЛПП, относящиеся к флористическому коду.

Наблюдается использование одного и того же ЛПП в разных ареалах с переменной значения (смысла). Одно и то же присловье «прикладывается» к разным сообществам. Существуют различные модификаты одного и того же КП.

Присловья имеют свой метаязык, в который включаются характерные метафорические, метонимические и пр. наименования.

Традиционная культура рассматривается нами как «вторичная моделирующая система» по отношению к языку. Это позволяет говорить о коде/кодировании, которое происходит во время акта коммуникации между адресатом и адресантом и приводит к возникновению символических культурных значений.

Глава V «Корильные мотивы в песенном фольклоре»

содержит анализ корильные песен и частушек о разных по наименованиям деревнях.

В § 1 «Корильные песни о разных по наименованиям деревнях» описывается источниковая база исследуемого материала. Нами выявлены пятьдесят два сюжета прозвищных песен, тексты которых опубликованы или хранятся в различных архивах. В нашем распоряжении имеется сто десять вариантов таких произведений. С этой целью в работе использовались как общерусские, так и региональные фольклорные сборники.

В главе делается обзор работ по теме исследования. К изучению корильных песен о разных по наименованиям деревнях обращались В.В. Блажес, Т.А. Агапкина, А.А. Иванова и др.

Раскрывается методика анализа данных песен. Самостоятельному анализу подвергаются наиболее распространенные и значимые для локальных микрогрупп песенные сюжеты, способствовавшие становлению и поддержанию их локальной идентичности. На основе анализа большого количества различных записей песен выделяются три их

разновидности в зависимости от адресата: корильные песни о разных по наименованиям деревнях, песни-диалоги о взаимоотношениях полов, песни смешанного типа.

§ 2 «Песни с характеристиками жителей соседних деревень» посвящен анализу песен, содержащих ЛПП и характеристики местных жителей.

Песни, как мы полагаем, имели обрядовое происхождение. Зафиксированы свидетельства об их исполнении на Масленицу во время катания с гор (на Пинеге) и во время свадебного обряда. Большая часть произведений использовалась во время, так называемых, «посиделок». Имеются многочисленные свидетельства об их исполнении во время различных молодежных собраний.

Произведения, являющиеся предметом нашего исследования, свидетельствуют о приоритете группового, коллективного в сознании сообщества и снижении значения личности в нем. Они репрезентируют идиолект группы и имеют широкие внетекстовые связи, выполняют функции размежевания микрогрупп и духовного освоения пространства. Каждая из рассмотренных в главе песен имела распространение в конкретном микроареале. Их содержание понятно только сообществу, проживающему на его территории. Песни позволяют выделить локальные микрогруппы. На Кенозере (в современном административном делении - Плесецкий район, в XIX - начале XX века - Каргопольский уезд) бытовала песня «Не отдай меня, батюшка», на территории Хотеновского сельсовета Каргопольского района - «В Заболотье два Иванушка» / «В Хотеновой - кривы ноги-Макар» и т. п. Песни-дразнилки о деревнях демонстрируют высокую стабильность представлений об этноцентричной модели мира; как и во всем прозвищном фольклоре, в них выделяются эндонимы и экзонимы.

Песни состоят из отдельных формул-характеристик, которые имеют два уровня значений: внутренний (символический) и внешний, связанный с сюжетом и контекстом исполнения произведения. Эстетическую теорию народной лирики разработал Г.И. Мальцев: каждая формула (мотив) несет в себе некое эстетическое представление народа, содержит в себе эстетический смысл. Суть теории заключается в «соположении в тексте автономных тематических формул, которые оказываются связанными не непосредственно... а через взаимодействие с традицией, понимаемой актуально и содержательно»¹⁰. С.Ю. Неклюдов исследовал два типа мотивов: мотивы-ситуации, представляющие собой часть сюжета и впервые исследованные А.Н. Веселовским, и мотивы, заключающие в себе чистую семантику (алломотивы, или формулы). Алломотивы - передают внутреннее наполнение текста. Глубинная семантическая связь

¹⁰ Мальцев Г.И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики. Л.: Наука, 1989. С. 162.

реализуется через традиционные поэтические связи и формирует структуру текста.

По ритму песни с прозвищами относятся к частым песням. В их возникновении и эволюции можно отметить диалектическое единство разнонаправленных процессов. С течением времени песня могла «рассыпаться» на отдельные прозвища, и, наоборот, в нее включались самостоятельно бытующие наименования сообществ. Данные произведения могли объединяться с другими жанровыми разновидностями песни - свадебными и величальными текстами. В каждой из выделенных выше групп есть песни с величально-корильными элементами. Эти произведения более поздние по своему происхождению.

В § 2 «Песни-диалоги о взаимоотношениях полов» рассматриваются тексты, представляющие собой своеобразный диалог полов, происходящий между представителями соседних деревень. Данные тексты содержат традиционные мотивы корильной поэзии и близки свадебным корильным песням. Некоторые характеристики, содержащиеся в песнях, восходят к традиционным поэтическим формулам и имеют как семантическое значение, связанное в реконструкции с мифологическими представлениями, так и значение, вытекающее из сюжета.

Образная система второй группы песен близка к свадебной поэзии. Наши наблюдения подтверждают вывод И.А. Морозова о наличии в культуре славян универсального «свадебного кода»¹¹.

Песни-диалоги о взаимоотношениях полов включают в себя «мужской» и «женский» тексты. Песни представляют собой диалог двух «партий». Восприятие мужчины в женском тексте этих песен типично для патриархального общества. Архангельские песни-дразнилки не являются исключением из традиционной системы координат. В их содержании нами выделены три мужских типа: агрессоры, форсуны, недотепы. Архангельская прозвищная культура выступает как маскулидная. Широкое распространение в ней имеют мотивы деструктивного поведения мужчины. Мужчина наделяется в них свойствами захватчика, его поведение восходит к представлениям об антимире. Выделенный нами образ агрессора является авто- и гетеростереотипом. Поведенческие мотивы носят деструктивный и сниженный характер. Образы же форсуна и недотепы (дурака) встречаются только в женских текстах.

Оценка девушек в мужском тексте в основном зависела от их подготовленности к браку. В песнях нами отмечены пять женских типов. Осуждению подвергались девушки «разбитные» и гулящие, с физическими недостатками, не умеющие красиво одеваться. Зато высоко ценились

¹¹ Морозов И.А. Женильба добра молодца. Происхождение и типология традиционных молодежных развлечений с символикой «свадьбы» / «женильбы». М., 1998

хозяйственные навыки девушек и их природная красота, синонимичная здоровью.

Песни-дразнилки, посвященные парням и девушкам соседних деревень, в реконструкции имеют бережное значение, где позор мнимый предостерегает позор истинный. Кроме того, им свойственна продуцирующая функция. Песни были элементом посиделочной культуры, которую в науке традиционно рассматривают как игровую форму свадебного обряда (А.А. Потебня, Т.А. Бернштам, И.А. Морозов, Р.Б. Калашникова). Использование эсхрологии (мата) имеет древние обрядовые корни, с этим связано исполнение песен, содержащих обесценные характеристики девушек. Их символика имеет общие корни со свадебной поэзией. В основе песен-диалогов между полами лежат брачные мотивы и образы.

В § 3 «Песни смешанного типа» исследуются песни, содержащие мотивы и образы двух первых групп. В них присутствуют ЛГП всех групп, выделенных и рассмотренных в IV главе.

В § 4 «Частушки с прозвищами и характеристиками жителей различных деревень» делается вывод о том, что частушечные спевы о деревнях благодаря дополнительной функции, которая развивается у частушки с исчезновением классических жанров фольклора, представляют собой последний этап бытования песенной перебранки. Прозвищные песни и частушки были приурочены к молодежным обрядовым гуляниям. В параграфе выделены пять разновидностей *ругательных* частушек. Как и песни, данные частушки обладают широкими экстрафольклорными связями. В них преобладают функции осмеяния соседнего и прославления своего сообществ.

Данная группа частушек-присловий недостаточно исследована в фольклористике. Одной из их разновидностей являющейся «перепалкой» между полами, посвящена статья А.В. Кулагиной. Их символическая система во многом близка песням-дразнилкам. Но в отличие от песен частушки более субъективированы и ассоциативны. По сравнению с традиционной лирикой частушки выполняют функцию медиации. Лиричность протяжной песни объективирована, носит типовой характер. Как отмечалось выше, в народной поэзии существует два типа мотивов: лексико-семантические (алломотивы) и мотивы, представляющие собой сюжетную единицу. Сюжетные мотивы, в отличие от семантических, могут существовать самостоятельно. Многие алломотивы в частушке наполняются конкретным содержанием или приобретают свойства поэтической условности. В частушке на первый план выходит принцип ассоциативности. В ней уже невозможно не учитывать влияния сюжетной ситуации на систему образов. Мотив как сюжетная единица начинает взаимодействовать с алломотивом. Несмотря на традиционность, формула в фольклоре открыта и способна к дальнейшей эволюции.

Частушки, содержащие локально-групповые прозвища и характеристики, неоднородны по своему содержанию и образности. Их можно разделить на пять подгрупп:

- частушки с прозвищными характеристиками, которые могут быть не связаны с уже известным прозвищем поселенческой группы;
- частушки, восходящие к конкретному прозвищу, которое в них разворачивается и эксплицируется;
- частушки, содержащие ЛПП, которые включены в состав сюжетных мотивов;
- частушки-приветствия с использованием прозвища, которое может выступать в роли обращения к жителям соседней деревни;
- частушки-дразнилки, функционально и тематически близкие обычным дразнилкам.

Исполнение частушек-присловий было ритуализованным: их пели жители соседних сел при встречах, происходивших во время съезжих праздников, а также девушки и парни из разных деревень во время совместных гуляний.

Подобные произведения исполнялись в типовых ситуациях и являлись типовыми формами словесной коммуникации. Они могли исполняться речитативом и входить в состав прозвищного нарратива, содержащего в себе характеристики жителей соседних деревень.

Частушечные спевы представляют собой самый поздний из этапов развития традиционных «словесных поединков». Как неоднократно отмечалось в наших работах, при отмирании классических жанров фольклора у частушек появляются дополнительные функции, позволяющие им частично «замещать» исчезающий жанр (например, протяжные песни и причитания).

В § 5 «Цепевидные структуры прозвищных песен и частушечных спевов» делается вывод о том, что большая часть данных песен имеет цепевидную структуру. Цепевидные структуры песен не являлись объектом специального исследования в современной науке. К изучению цепевидных структур других жанров фольклора и литературных текстов обращались К.В. Чистов, Е.Б. Артеменко, А.Т. Хроленко, И.Ф. Амроян, Т.А. Золотова. Анализу структур сказок посвящены работы С.М. Лойтер, Т.Н. Бунчук и работы А.А. Кретьова. Теоретические положения модели формализованного текста были разработаны чешским ученым Ф. Данешем. Она основана на анализе (выявлении) типичного движения (тем) и рем, на рематематической прогрессии. В диссертации используются модели и терминология, разработанные Ф. Данешем. Исследование же песенных цепевидных структур предпринимается впервые.

Данные тексты близки архаичным формам речи. Анализ структуры корильных песен о разных по наименованиям деревнях позволил выделить среди них две группы: цепевидные песни, сочетающие в своей структуре

один или несколько типов нанизывания, и песни, состоящие из нескольких самостоятельных частей, каждая из которых обладает своим структурным типом.

В песнях-присловьях цепь состоит из различного количества эпизодов, содержащих характеристики деревень одной округи, число которых со временем может меняться. Количество эпизодов может доходить до восьмидесяти и выше. Цепевидные песни являются лирическими песнями архаического типа. Для народной поэзии характерна паратаксическая связь.

Цепь в прозвищных песнях имеет несколько типов. Расположим выделенные структурные типы по степени их распространения в прозвищной поэзии:

- 1) производная тема, вытекающая из общей;
- 2) словесная тема-рема-тематическая прогрессия;
- 3) нанизывание, не связанное с явлением повтора.

Гипертема часто носит скрытый характер. В этом же значении в исследовании используется термин «макротема». Она проходит через весь текст: все деревни в нем принадлежат одному микроареалу или же нескольким соседним. Гипертема имплицитирована и в песне носит скрытый характер. Принадлежность деревень к единому социолокусу понятна только «посвященным», представителям соседних местных сообществ. В текстах этого типа цепь строится на перечислении различных деревень и иногда сопровождается лексическим повтором. Имплицитность гипертемы может быть эксплицитирована через языковое пространство (языковыми сигналами гипертемы).

В песнях со смешанной структурой производные темы, вытекающие из общей, могут сочетаться с текстами, обладающими словесной тема-рема-тематической прогрессией (в зачинах или инициальных формулах). Нанизывание, не связанное с явлением повтора, встречается только отдельно и не может иметь макротему.

Цепевидной структурой обладают и частушечные слевы. В их структуре, как и в песенной, преобладает макротема. В некоторых случаях она осложняется второй сквозной темой. Существует группа частушек, функционально и содержательно (на уровне отдельных текстов) близкая дразнилкам. Такие частушки имеют скрытую макротему, которая сочетается в тексте с линейной прогрессией.

Отношения корильных песен о деревнях к остальному прозвищному континууму амбивалентно: с одной стороны, в песню могут входить уже бытующие прозвища, с другой - песня может «рассыпаться» на самостоятельные единичные наименования.

Глава VI «Прозвищные нарративы»

включает в себя анализ устных рассказов и анекдотов, являющихся знаковыми для местных сообществ и способствующих становлению и развитию их идентичности.

В § 1 «Используемые подходы и терминология» обосновывается выбор жанрового и дискурсивного анализа, дается определение жанровых номинаций (устный рассказ, меморат, предание, мотив и др.), которые используются в данной главе.

Референт исследуемого нарратива вполне понятен только определенной группе - его коммуникативная функция реализуется в соседних поселенческих группах. Широкое распространение получает только тот текст, денотат которого известен каждому представителю группы.

В § 2 «Анекдоты о глухих и хитрых соседях и "инородцах"» рассматриваются анекдоты, обозначенные в названии параграфа. В прозвищных рассказах широко используются традиционные мотивы комической прозы.

В «Сравнительном указателе сюжетов. Восточнославянская сказка» его составители выделили раздел «О глушах и простаках (попехонцах)» (СУС 1200-1349). В народной комической прозе были свои глушцы (вятские, олонешские, архангельские и т. п.). В анекдотах происходит варьирование локального атрибутирования персонажей в текстах, построенных по традиционным схемам. Использование локального обозначения, по нашему мнению, связано с реальными социальными отношениями, что тоже является знаковым, как и определение «попехонцы», но с большей приближенностью к реальному опыту.

Стереотипным является восприятие соседей как воров и разбойников, глушцов и простаков. Собственное же сообщество в рассказах и анекдотах предстает умным и трудолюбивым.

Некоторые общефольклорные сюжеты получили местную привязку. Прозвищные анекдоты содержат в себе типичные мотивы комической прозы: «О глушах и простаках (попехонцах)», «О дураках», встречаются рассказы «О хитрых и ловких людях». Эти мотивы в то же время представляют оригинальные местные версии указанных нарративов. На территории Северо-Западного региона России наиболее распространенными оказались следующие сюжетные типы: «Мужичье поздравление» (-1698*С), «О неправильном произношении» (СУС 1699), «О глушах и простаках (попехонцах)» (СУС 1200-1349). Среди последних широкое бытование получили сюжеты о том, как глушцы «Варят кашу (толокно) в проруби» (СУС 1260), «Не могут сосчитаться: каждый считающий пропускает себя» (СУС 1287) и др.

КП имеют различные сюжетопорождающие возможности, например, б'ольшими обладает присловье *толоконники*, объяснение которого представлено 4 сюжетами.

Некоторые анекдотичные сюжеты появляются в результате нарратизации паремий, на это обращал внимание Е.М. Мелетинский. В отношении КП *толоконники* нами отмечена не только нарративная, но и паремиологическая стереотипия (например, вологжане *толоком Волгу замесили*) Само прозвище, возможно, содержит в себе отголоски обряда кормления воды, который был распространен в этих местах.

Сюжетным воплощением присловья *псковичи небо колыями подпирали* является анекдот о жителях Пскова, которые «Небо подпирают колыями», думая, что низко стелящиеся тучи падают на землю (СУС -1250***). Гиперболизация способствует усилению комического эффекта. Можно предположить существование в прошлом подобного обряда. В севернорусской традиции распространено поверье о том, что вызвать дождь можно граблями, повернутыми к небу зубцами.

Образ места создается в фольклоре в первую очередь. В традиционном тексте реализуются когнитивные стереотипы. Представители локальных групп изображаются в анекдотах неловкими и беспомощными. Они постоянно совершают нелепые поступки. Сакральное и профанное в анекдотах меняются местами.

К выделенной группе анекдотов примыкают сюжеты об «инородцах» (представителях других этносов). Они, как и предыдущие, относятся к сюжетному полю номеров 1200-1349 «О глупцах и простаках (попехонцах)». «Инородцы» в них не понимают обычных явлений, их поступки алогичны. В анекдотах активно используется имитация речи этнически «чужих» Представители других этносов говорят о себе в среднем роде (*одно*) или во множественном числе (*ми*). Этноним карел также употребляется ими в среднем роде — *корело*, в их наименованиях используются фамильярные формы - *кареляк*, *корело*, что усиливает представление об их «глупости». Я.И. Гин высказал мнение о том, что в текстах сказок встречается колебание грамматического рода персонажей. Он отмечал, что колебания рода присущи персонажам «чужого» мира, антагонистам. Представители другого этноса в народной культуре ассоциировались с колдунами. Для корпуса анекдотов об «инородцах» является типичным мотив «непонимание "инородцами" самых обычных явлений и предметов». В народной традиции существуют анекдоты и противоположного содержания, в которых «инородцы» высмеивают русских.

Любое имя - потенциально содержит в себе нарратив (И. Сандомирская). Прозвища могли быть извлечены из целого произведения или же возникли в виде аллюзии на какой-нибудь анекдот или устный рассказ. В этом случае их объяснения имеют характер

неразвернутых анекдотичных мотивов: каргополы *«наживали состояние, выращивая по всей губернии на погорелое. Хозяин запрягал лошадей похуже, обжигал оглобли и ездил всю зиму по губернии»*. Локально-групповое прозвище каргополов широко известное по всему Северу, - *жганая / палёная оглобля*. «История» о *палёной оглобле* близка группе анекдотов «О хитрых и ловких людях» (СУС 1525-1639). Значительно реже местное сообщество в устных рассказах предстает умным и сообразительным.

Анекдотичные мотивы прозвищного фольклора имеют тенденцию к получению обыденного объяснения.

Следует отметить, что некоторые сюжеты, имеющиеся в нашей коллекции, не внесены в «Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка» или же только условно близки к сюжетным типам, помещенным в СУС. Это касается, в частности, сюжетов о том, как жители одной деревни поставили реку своими поясами (веревками); о бане, приплывшей по воде в огород; о неприличном испытании жен в первую брачную ночь; о смеховом обнажении представителя локальной микрогруппы перед жителями другой деревни с целью оскорбления последних и др.

В § 2 «**Предания, объясняющие происхождение присловий-прозвищ**» рассматриваются предания, объясняющие происхождения КП и образующие самостоятельную группу. В книге Н.А. Криничной «Предания Русского Севера» (СПб., 1991) они входят в состав других циклов. Как и остальные предания, они имеют распространение среди территориально ограниченной общности. В них реализуется коммуникативная установка на сообщение достоверной информации. Они относятся к историям, которые выражают как национальную этническую, так и локальную идентичность. Преданиям свойственна мемориальная функция. Как произведения фольклора они обладают большой вариативностью. Изложение может быть развернутым или редуцированным, что относится к области сюжетосложения. Одни и те же рассказы бывают как краткими, так и развернутыми. Это зависит от традиции рассказывания в данной местности, ситуации исполнения, таланта рассказчика и др.

По стилю и сюжетике предания порой близки к народным анекдотам (Е.М. Мелетинский). Герои преданий генетически восходят к персонажам мифа. Местный житель, поведение которого стало причиной возникновения КП, в таких рассказах наделяется чертами мифологического шута. Он распространяет сплетни, болтается без дела по деревне, неряшливо одевается.

В роли своеобразного трикстера, поступок которого привел к появлению ЛПП, может выступать собака. Она нарушает исполнение обряда: вмешивается в сакральный акт. В Петрозаводске во время свадьбы местного крестьянина в горшок со шами, которые варились для свадебного

пира, с печи упали шенки - этот инцидент и привел к образованию присловья *боскоеды* (*боска* - собака).

Анализ сюжетики преданий позволил выделить в них несколько типичных мотивов. События местной истории в прозвищных нарративах связываются с фигурами исторических деятелей. Они спроецированы на личности царей, которые либо сами дают КП локальной микрогруппе, либо этому способствует случившееся с ними событие. Царственная особа выступает в роли культурного героя, превращающего своими действиями природный ландшафт в культурный. Появление в преданиях личностей, являвшихся знаковыми для своей эпохи, позволяет включить локальную историю в контекст общенациональной.

Самой популярной исторической фигурой в прозвищных рассказах, как и во всей народной культуре, является Петр I. Кроме него, имядателями в народной прозе могли быть Иван Грозный и Александр II. КП и речевые стереотипы, выступающие в их роли, являются «пружиной» для разворачивания сюжета предания. Происхождение присловья *телятники*, которым называли вологжан, по народным источникам, восходит к приезду Ивана Грозного в Вологду в 1545 году.

КП могли восходить к вербальному или невербальному акту не только некой исторически знаковой личности, но и святого: жители деревни Ширяихи Каргопольского района Архангельской области - *ошевенцы*, потому что неподалеку местночтимым каргопольским святым Александром Ошевенским был основан монастырь. К его деятельности каргополы возводят еще одно ЛПП - *неблагословенные*, которым называли население деревни Поздышевской того же района.

Большая группа преданий о происхождении КП репрезентирует локальную историю. Объяснение присловья *вятчане-слепороды* сохранилось в рассказе о том, как в 1391 году жители Вятки приняли за врагов устюжан, пришедших к ним на помощь, и всех их перебили.

Прозвище может быть образовано от профессии первопоселенца и иметь в своей основе фольклорный источник. Например, в нашей коллекции имеются предания о происхождении прозвищного наименования от лексемы «кузнец», последний явился основателем с. Малая Слобода Мезенского района и др.

Фабулаты содержат «воспоминания» о разбойниках. С их проживанием на территориях локальных микрогрупп связаны мотивации многочисленных КП: *воры, разбойники, подорожники, дикари*. В нарративах обыгрываются всевозможные сюжетные ситуации о регулярных разбойных нападениях различных микрогрупп, из-за которых страдали соседние сообщества.

Кражи являются современной вариацией разбоя. Ассоциации с ним вызывает КП *кукурузники*, которым называли жителей многочисленных деревень, находящихся вокруг Архангельска (д. Заостровье, Кегостров, Лисестрово, Мечка, Пустошь, Повракула, Тойнокурье). По

распространенным объяснением, а) когда-то в Архангельск пришла баржа с кукурузой, жители окрестных деревень растащили груз и получили после этого прозвище *кукурузники*, б) баржа вначале утонула, а только после этого они украли с нее кукурузу.

В процессе исследования нами была создана сюжетно-тематическая классификация преданий, содержащих объяснение ЛГП. Мотивировка КП может стать мотивом предания. Предания, объясняющие происхождения присловья-прозвища, образуют самостоятельный цикл. Арабские цифры в нем обозначают мотивы преданий и рассказов, буквы - различные варианты мотивов.

Происхождение ЛГП

1. От имени мифологического персонажа.
2. От имени одного человека:
 - а) первопоселенца,
 - б) одного из местных жителей,
 - в) местного шута,
 - г) помещика, усадьба которого находилась на территории селения.
3. От локального исторического события:
 - а) от неожиданного происшествия,
 - б) от проживания в прошлом на территории местного сообщества аборигенов,
 - в) от действий, совершаемых сообществом разбойников,
 - г) польско-литовских разбойников,
 - д) из-за происшествия, случившегося с местным сообществом,
 - е) из-за акции (кражи и т. п.), совершенной локальной микрогруппой.
4. От культурно-хозяйственных особенностей местной группы:
 - а) пищевых пристрастий,
 - б) одежды, которую носят ее представители,
 - в) профессиональных занятий.
5. От особенностей ландшафта.
6. Из-за действий, совершенных животными, принадлежащими местному сообществу.

§ 3 «Повседневные рассказы» посвящен устным рассказам, которые можно вычленил через оппозицию преданиям и легендам. В исследуемой нами прозе преобладают этиологические мотивы, в ней находит выражение конкретное, образное представление о местной группе. Устные рассказы, посвященные семье, исследуются в работах И.А. Разумовой.

Содержание их мотивов обращено к повседневной жизни сообществ и относится к культурной периферии. Легенды содержат сакральные элементы, предания посвящены значительным событиям прошлого. В отличие от преданий содержание повседневных рассказов не обязательно относится к прошлому, события, описываемые в них, могут происходить и в

наши дни. За счет включения в нарратив присловье создает амплифицированную структуру.

Этиологические мотивы присутствуют в рассказах, объясняющих происхождение КП от названий ландшафта, различных природных объектов, предметов культуры, особенностей употребления пищи и пр. Наименование может быть опосредованно связано с местностью, в которой проживает локальная микрогруппа. Жители деревни Майды Мезенского района получают прозвище *чипуши*, потому что так назывался холм, с которого они любили кататься, жители села Строевское Устьянского района из-за высоких паводков на реке Устье, во время которых деревню полностью затопляло и единственным средством передвижения становилась лодка, дразнили *плавуны*, *поплавки*. Иногда это происходит через имя владельца земли. В рассказах вначале *шаньгой* именовали хозяина дома (барина), который любил есть шаньги (пос. Сия, Пинежский район). В дальнейшем так стали называть холм, на котором стоял его дом, а затем все местное сообщество. Население деревни Химанево (Шенкурский район) стали называть *рожками* из-за того, что в деревне был развит промысел изготовления берестяных пастушеских рожков. Идентичность в названиях ландшафта и КП восходит к древним ономаσιологическим моделям.

Жанровый анализ прозвишных нарративов в главе сочетается с дискурсивным. К паралингвистическим сторонам дискурса следует отнести тембр голоса, смех, который сопровождает рассказ, выражение лица, жесты. Исполнение прозвишного фольклора часто сопровождается смехом, так как в основе сюжета лежит комическая ситуация: при этом преобладает иронический или юмористический стиль повествования. Тексты произносятся с ироническим выражением лица и сопровождаются жестами, которые обычно характерны для повествования о чем-то запретном или недосказанном, понятном лишь посвященным. Иногда исполнители просят не публиковать произведения, содержащие ЛГП, или же не упоминать их фамилии.

Разновидностью повседневногo нарратива является рассказ, содержащий организованный набор воспоминаний, включающий в себя характеристики или прозвища жителей одной округи и иногда вопросы собирателя.

Устные рассказы «размыты» в речи, поэтому существуют трудности с их выделением. Определителями прозвишных нарративов могут служить зачины и концовки. Дискурсивная специфика начальных формул преданий и других устных рассказов проявляется в указании на время или источник происхождения прозвища: *«Давно это было. Очень давно»*, *«С давних времен называют...»*, *«Рассказывают тут...»*, *«Жителей деревни называют...»*, *«Говорит молва...»*. Чаще время возникновения прозвища относится исполнителями к далекому прошлому (*давно это было*). Гораздо реже нарративы содержат указание на точную дату возникновения ЛГП: *«С*

1982 года называют нас "кислорепыми"...», «В последнюю русско-турецкую войну...», «В торговый день, в четверг, предки нынешних хаврогор...», «В Гражданскую войну затонула баржа...». Их концовки довольно типичны: «Вот жителей (селения) и называли...», «А нашу деревню с той поры стали ...звать», «Вот жителей и прозвали...».

К прозвищному дискурсу относятся стереотипные формулы утверждения истинности преданий, «формулы достоверности» (О.В. Санникова). Они отражают жанровую специфику преданий и повседневных рассказов. К ним относятся ссылки на «предков»: *уж очень любили их предки соль есть, поэтому и получили прозвище "солоки", бабушка рассказывала, наша бабка-покойница называла.* Эту же роль выполняют модальные слова «будто бы», «может быть» и др. Как известно, свойством дискурса является дискретность (прерывистость повествования). Также дискурсивными особенностями текста являются повторы слов или мотива. Эти особенности демонстрируются в диссертации на материале прозвищных текстов.

В нарративах вербализуется горечь утраты исторической памяти местным сообществом: *«Сейчас все это уходит в прошлое...»*. Роль рассказчика проявляется в комментировании, например: *«Жители Котельничского уезда очень добродушный и простодушный народ»*. К дискурсивному контексту нарратива также относятся формулы оценки действий или событий, приведшие к появлению КП. Н.Е. Ончуков при публикации одного из анекдотов добавил: *«Рассказом этим устыцелёмы хотят показать и хитрость, и жадность пустозёров»*.

В публикациях собирателей XIX века ощущаются следы литературной обработки устных рассказов, в них указывается на жанровую принадлежность публикуемого текста и его связь с народной культурой: *«Существует народное предание...»*, *«в народном сознании...»*, встречаются они и в XX веке: *«Легенда, по записям покойного долгощельца А.Г. Широкого, гласит следующее...»* и др.

Синхронно-диахронный анализ записей и публикаций нарративов, имеющихся в нашем распоряжении, свидетельствует о том, что изменения в них происходят за счет усиления детализации и объяснения причин ситуации, приведшей к появлению ЛПП, которая получает более реалистическое толкование.

Изложенные в данной главе материалы и наблюдения позволяют сделать следующие выводы о соотношении локальной и общерусской идентичности, соответствующей когнитивному контексту устных рассказов.

Стереотипия, как известно, может быть а) речевой, б) когнитивной. При этом когнитивные стереотипы реализованы только в речи или невербальных акциях. Но при этом для каждой локальной традиции существуют свои региональные особенности восприятия соседей. Соотношение общей и локальной типизации является одним из интересующих нас вопросов.

Прозвищные нарративы репрезентируют те же когнитивные стереотипы, что и вся сфера прозвищного фольклора. Локальные микрогруппы осознают свое групповое единство. Оно выражается в выборе ими своего КП, например: *мамоны, заугольники, бесчетные* и др. Свое единство члены сообщества осознают через противопоставление соседним группам. Они указывают на формы восприятия других (соседей), свойственные локальным сообществам: насмешку, презрение, опасение и др. Группе свойственно преувеличивать свои достоинства и преуменьшать их у других. Стереотип - упрощенный эмоционально окрашенный образ какой-либо локальной группы. В отношении своего сообщества проявляются такие стереотипные характеристики, как ум и трудолюбие.

Неотъемлемой частью локальной идентичности является историко-культурная память социума. Каждая локальная группа имеет свою местную историю. Нарративы сохранили воспоминания об освоении северянами Сибири и Аляски, о новгородской колонизации и позднейших торговых контактах Русского Севера с Новгородом, о Гражданской войне и англо-американской интервенции. Подобные мотивы поднимали самооценку местных сообществ, включали локальную историю в общенациональную. В Северо-Западном прозвищном тезаурусе есть свои знаковые личности: цари Иван Грозный, Петр I, Александр II, святые (Александр Ошевенский, Антоний Сийский, Стефан Пермский), в советское время на смену им пришли государственные лидеры: К.Е. Ворошилов, Н.С. Хрущев, и др.

Локально-групповые прозвища обладают различными сюжетными возможностями. Одни из них «разворачиваются» в самостоятельные тексты или прикрепляются к общефольклорным сюжетам, другие - существуют в виде номинатива. Локальная идентичность в традиционной культуре Северо-Западного региона России утверждается происхождением КП от прозвища одного человека (первопоселенца, одного из местных жителей, «барина», усадьба которого находилась на территории села, и пр.).

Глава VII «Локально-групповые прозвища в фольклоре речевых ситуаций»

В § 1 «Прагматика» дается прагматический анализ прозвищных паремий, рассматривается их функциональность. Фольклористический подход дополняется этнографическим, который позволяет выявить типовые ситуации, «инспирирующие» прозвищные изречения. Этот подход используется в работах Т.А. Агапкиной и Л.Н. Виноградовой. Паремии относятся к области фольклора и языка. Как явление языка - они знаки ситуаций, как фольклорные жанры - модели. Прозвищные изречения могут быть двух видов. В одних манифестируется ЛГП, в других - заключаются характеристики и оценки локальных микрогрупп.

Употребление речевых стереотипов является способом разграничения различных социумов. С целью исследования локальной идентичности сообществ мы собрали большую группу речевых жанров и устойчивых выражений. Родовой термин речевых жанров - паремии и изречения. Объектом исследования в главе являются прозвищные паремии. Необходимо определить дефиниции используемых в диссертации терминов «паремия» и «присловье». Г.Л. Пермяков выделил двадцать пять типов паремий. Он считал, что любой клишированный текст является паремией, следовательно, и локально-групповое прозвище в виде лексемы, и анекдот - паремии. Отделяет паремии от слов и словосочетаний Г.А. Левинтон. Термин «паремия» нами используется в значении «фольклор речевых ситуаций».

Присловья произносятся в различных типовых ситуациях, носят ритуализованный характер. Они относятся к сфере бытового этикетного поведения. В исследовании выделены различные иницирующие их моменты (интенция высказывания). Это различные встречи (в современной традиции в транспорте), приезд или появление в чужой деревне, драки, ссоры, свадьбы и т. д.

Прозвищные изречения обладают интегративной функцией, функцией размежевания микрогрупп (особенно сильно эта функция выражена у дразнилок), фатической (функцией восприятия) - паремии адресуются собеседнику, негативно-коммуникативной (например, шуточные вопросы, инвективы) и др. Одной из их основных функций является конативная (регулятивная). В работе сделан вывод о том, что в исследуемых изречениях главное внимание уделяется не информации, а иллюкутивному воздействию на адресата.

Выделение топиков, содержащих ключевые слова, дает основание сделать вывод о когнитивных основах исследуемых текстов. В паремиологическом прозвищном дискурсе нами выделены четыре топика. В первом ключевыми словами являются столичные градонимы - *Москва*, *Петербург* и др., с которыми сравнивается локальная группа; во втором - пародируется речевое поведение микрогрупп; в третьем — оценке подвергается поведение местных сообществ; в четвертом - профессиональные занятия.

Присловья служат выражению и поддержанию локальной идентичности. Они имеют высокий уровень знаковости внутри самого сообщества. В прозвищных изречениях выделяются престижные черты своего сообщества (быта, психосматики). Подчеркивается его уникальность. К локальным особенностям прозвищного дискурса относится сравнение местных групп с Норвегией.

Нами выявлена сфера народных «антиценностей» (пьянство, глупость, воровство и др.), в прозвищном речевом дискурсе она оказалась преобладающей по сравнению с областью народной аксиологии. Это

объясняется тем, что прозвищная культура является сниженной версией народной культуры. Выделение топика, содержащего изречения о профессиональных занятиях групп и оценку степени овладения ими, позволило сделать вывод о том, что локальные паремии содержат те же ментальные стереотипы, что и общерусские. В них высоко ценится профессионализм местных сообществ.

Прозвищные паремии употребляются в контексте речи, поэтому они тесно переплетаются с повествовательными жанрами фольклора. Они нарратизируются в анекдотах и преданиях. При их исследовании более предпочтителен дискурсивный анализ. В паремиологическом дискурсе реализуются типичные для всего прозвищного фольклора когнитивные стереотипы.

В § 2 «Жанровый контекст» рассматриваются различные жанры фольклора речевых ситуаций, содержащие ЛПП и характеристики местных групп. Большую часть фольклора речевых ситуаций составляют дразнилки, приветствия, пословицы, поговорки, афоризмы, шуточные вопросы, а также некоторые загадки-шутки, аподиктические утверждения (под которым мы понимаем суждение, основанное на вере в его неопровержимость), инвективы, приметы и все краткие- высказывания пословичного и поговорочного типов. Они являются разновидностями (подклассами) паремий и характеризуются высокой степенью интертекстуальности. У каждого КП есть свое поле устойчивых выражений.

В прозвищных изречениях пословичного и поговорочного типов мы выделили следующие типы:

- паремии, содержащие ЛПП,
- паремии, выполняющие номинативно-характеризирующую функцию в отношении местных сообществ.

Существуют трудности выделения отдельных речевых жанров фольклора из единого прозвищного дискурса. Осмысление различных текстовых образований как жанров возникает лишь при знании ситуаций, в которых они произносились.

Особенно распространены дразнилки и их различные жанровые модификации. Дразнилки могут существовать в виде отдельного предложения или сверхфразового единства, состоящего из цепочки предложений. Подобные тексты известны и в других славянских культурах. Дразнилка - инвективное общение взрослых.

Дразнилки обладают ярко выраженной конативной (регулятивной) функцией. Дразнение нередко содержит в себе призыв к действию, поэтому оно предшествовало дракам, происходившим между микрогруппами. Рифмованные дразнилки имеют цепевидное строение. Как и в корильных песнях о разных по наименованиям деревьях, их основной формализованной моделью является наличие гипертемы.

ЛПП могут выступать в роли инвектив, образованных от названий животных и птиц. Мы рассматриваем их как одну из модификаций, дразнилок. Инвективы, произносившиеся во время драки или ссоры, содержат в себе сильную негативно-экспрессивную оценку. В отличие от дразнилок они более ситуативны и менее распространены. Их выделение / отделение от дразнилок довольно условно.

Коммуникативный акт между жителями соседних деревень начинался с приветствия. Фольклорный текст приурочен к конкретной ситуации. Паремии - сигналы типовых ситуаций. ЛПП раскрываются в приветствиях (стереотипных выражениях). Они сочетают в себе признаки дразнилки и приветствия. Приветствие, как и инвективу, можно рассматривать как одну из модификаций дразнилки. Выделить приветствие в отдельный жанр позволяет только знание культурного контекста, ситуации, в которой она произносилась.

Границы местного сообщества могут определяться с помощью загадок. Загадка, посвященная какой-нибудь локальной микрогруппе, — один из инструментов социализации. Знающие правильный ответ на нее воспринимаются как члены одной территориальной общности. Среди загадок-присловий преобладают шуточные вопросы в виде диалога.

Аподиктические утверждения (неопровержимые для исполнителя суждения) - одни из наиболее распространенных прозвищных изречений. Они представляют собой стереотипные выражения, состоящие из одного или нескольких предложений и являющиеся сферхфразовыми паремиями. В отличие от пословиц они не содержат сентенции, а являются своеобразными наблюдениями над особенностями местного быта и нравов.

Пословицы и поговорки - одни из самых распространенных паремий. Пословицы ориентированы на социализацию человека. Они передают подобие (сходство ситуаций) и используются сообществом до тех пор, пока это сходство улавливается. Пословица - результат мышления по аналогии. Ее свойством является иконизм (она указывает на модель ситуации). В поговорке иконизм отсутствует.

В § 3 «Городская словесность» исследуется архангельская городская словесность, содержащая как ЛПП, так и характеристики местных сообществ. Городские прозвища формируются по тем же законам, что и сельские. Но расширение каналов коммуникации в современном мире привело к увеличению интертекстуальных связей и созданию в прозвищной словесности новых знаково-символических образов.

В топики городских меморатов, характеризующих Архангельск и его жителей, преобладают следующие ключевые слова: «белый медведь»; «лед»; «олени»; «вечная мерзлота». Жителей Архангельска в других городах называют *замороженными*, имея в виду особенности их темперамента и поведения. ЛПП из экзонима перешло в эндоним и было принято самими жителями города.

Стереотипные характеристики создают мифологизированный образ архангелогородца. По представлениям жителей других регионов, он обладает такими качествами, как выносливость, сдержанность, терпеливость и др.

На уровне города, так же как и в традиционной культуре, существуют самоназвания и экзонимы: жители Привокзального района Архангельска называют себя *королями привоза*, проживающие у кинотеатра «Мир» - *центральными*, жители Шестого микрорайона Архангельска именуют себя *первыми* и т. д. Как и сельские, городские ЛПП содержат этноцентричные представления.

Особенности функционирования прозвищного фольклора в городе в значительной мере обусловлены тем, что внутри города сохраняются сельские по своему происхождению анклавы (К.В. Чистов).

Городской фольклор создает новые знаково-символические образы. Выделенные выше ключевые слова содержат стереотипы восприятия архангелогородцев жителями центрально-русских областей. Жители окраин противопоставляются жителям центра города. По представлениям жителей центра Архангельска, население отдаленных микрорайонов отличается культурной отсталостью и связью с криминальным миром. Локальная идентичность раскрывается через различные стереотипные высказывания. Существование эндоэтнонимов *замороженные* и *трескоеды* свидетельствует о развитом локальном самосознании жителей Архангельска. Они осознают себя самостоятельной локальной группой. В этнопсихологическом отношении они считают себя спокойными, уравновешенными, умеющими переносить трудности и противопоставляют себя населению Центральной России.

Проведенный анализ показывает, что существует паремиологический прозвищный дискурс. Фольклорные тексты, содержащие ЛПП, являются «сниженной» версией дуалистической народной культуры.

Заключение содержит основные итоги исследования. В процессе исследования мы убедились в том, что только интердисциплинарный подход позволяет решить поставленную в книге цель. Предпринятый нами анализ позволил прийти к следующим выводам. Прозвищный фольклор активно бытует в современной культурной традиции. Тексты, содержащие ЛПП, относятся к групповому фольклору. Они устойчивы (соотносимы с определенной ситуацией) и понятны локальным микрогруппам. Их функционирование свидетельствует о речевой гомогенности сообществ. В отношении прозвищной культуры мы считаем возможным использовать термин Р. Барга «паремиологический идиолект», под которым он понимал группу индивидов, «одинаково, интерпретирующих любые языковые

сообщения»¹². Система прозвищного фольклора поддерживает групповое единство.

На Русском Севере и Северо-Западе России существовала развитая система КП. На их территории выделяются ареалы различной номинационной плотности. Разная степень распространения ЛГП объясняется историко-культурным контекстом поселенческих групп.

Коллективные прозвища могут и должны рассматриваться как комплексное этнокультурное явление. В работе мы исходили из расширительного понимания термина «фольклор», которое позволило обозначить прозвище как минитекст, который может быть объектом фольклористического исследования.

Поэтика фольклорных произведений неразрывно взаимосвязана с народной культурой. При ее анализе невозможно было ограничиться задачами сугубо эстетического подхода, поэтому мы рассматривали ее как этнопоэтику (В.М. Гашак)

Понимание дискурса как речевого (коммуникативного) акта показало, что в народной культуре существует единый прозвищный дискурс, содержащий типовые коммуникативно-когнитивные ситуации и обладающий функционально-стилевой общностью. Основными функциями для него являются интегрирующая, размежевания микрогрупп, осмеяния соседних групп, конативная, фатическая и др.

При словья относятся к ритуализованным формам речи. Они демонстрируют коммуникативные установки на агрессию, высмеивание, передают опасение по отношению к другим местным сообществам. Реже в них манифестируется уважение к соседям. Существуют ментальные и речевые стереотипы. Стереотипы высказывания передают стереотипы восприятия. К когнитивному уровню относится самоидентификация микрогрупп, нашедшая отражение в самоназваниях и автореферентных характеристиках.

Прозвищный фольклор представляет собой не только категорию естественного языка, но и его особый мифологический слой. ЛГП инкорпорированы в толщу естественного языка. Анализ позволяет предположить, что они обладали обрядовой и обережной (апотропеической) функцией и могли восходить к табуированной речи. Анализ иноэтнических прозвищ свидетельствует об их связи с категорией «чужого». Проявлением мифологизма являются различные звукоподражательные приловья. Прозвищный дискурс во многом близок детской речи, как известно, сознание ребенка отличается мифологизмом.

Для нашего исследования является актуальным понятие «локальная идентичность». Локальное самосознание обостряется на границе соседних сообществ. Прозвищные тексты актуализируются в ситуации встречи

¹² Барт Р Основы семиологии//Структурализм «за» и «против» М Прогресс, 1975 С 120

представителей различных микрогрупп. В отношении своего сообщества существует позитивная оценочность, чужого - негативная. В процессе исследования нами были выделены особенности севернорусского (архангельского) локального самосознания. В отношении «своих» групп действует этноцентрическая идентичность.

Основу архангельской локальной идентичности составляют представления о связи социума с морем. Локальное самосознание проявляется в наличии самоназваний (*трескоеды* и некоторых других). Для прозвищной традиции Русского Севера и Северо-Запада России характерен является процесс перехода экзонима в эндоним.

Прозвищная культура - бытовая, сниженный сегмент традиционной культуры. Он носит профанный характер и противостоит сакральной части культуры. В текстах о «соседях» возникает модель перевернутого мира. «Соседи» предстают в них косыми, кривыми, грязными, неряшливыми, обжорами.

Предпринятый лексикографический анализ ЛГП позволил выделить их различные лексико-семантические группы. В основе мотиваций ЛГП лежат этнодифференцирующие признаки. Они и легли в основу классификации, предложенной в диссертации. Реже названия групп бывают вызваны рефлексом на случайное событие, изменения в профессиональной деятельности «соседей» и т. п.

В настоящее время прозвища не несут негативной эмоциональности. Они воспринимаются как обидные определения, относящиеся к историческому прошлому локальных микрогрупп.

Существенная черта этого репертуара состоит в его многожанровости. В книге исследуются различные прозвищные жанры: корильные песни о разных по наименованиям деревнях, частушки, жанры сказочной (анекдоты) и несказочной прозы (включая краткие мотивации и повседневные рассказы), фольклор речевых ситуаций.

Исследование семантики, структуры и содержания корильных песен о разных по наименованиям деревнях позволило выделить три их разновидности. Они имеют цепевидное строение, что свидетельствует об их архаичности. Формализованные модели соответствуют содержанию песен.

Имеющиеся свидетельства позволили заключить, что эти песни обладали обрядовым значением. Предположительно корильные песни о деревнях восходят к словесным поединкам между жителями соседних деревень, имевшим широкое распространение в славянской культуре (Т.А. Агапкина). Последним этапом бытования подобных словесных поединков являются частушечные спевы.

Расширение пространства дискурса приводит к тому, что высказывания / изречения переходят в повествования. Прозвищные нарративы реализуются в повествовательных формах анекдота, предания, легенды, повседневного рассказа. Основные сюжеты прозвищных анекдотов группируются вокруг

типов «О дураках», «О глупцах и простаках»; в нарративах о своем сообществе отмечены сюжетные типы «О хитрых и ловких людях». В диссертации впервые выделены предания, объясняющие происхождение прозвища-прозвища. В преданиях концептуализируется общность локальной микрогруппы. Жителям деревни приписывается какой-то один общий признак. Реализация данного концепта происходит в сюжете о возникновении ЛГП от прозвища отдельного человека. К особенностям севернорусского нарративного дискурса следует отнести образы Ивана Грозного, Петра I, святых Александра Ошевенского, Антония Сийского и др. и более поздние государственных деятелей - К.Е. Ворошилова и Н.С. Хрущева. Историко-культурная память - важнейшая часть локальной идентичности. Архангельские нарративы содержат сюжеты об исторической связи региона с Новгородом, о роли жителей Севера в освоении Аляски, о «кукурузной» кампании, развернутой ЦК КПСС в середине XX века, и пр.

ЛГП рассматривались нами как минитексты, заключающие в себе свернутый сюжет. Область традиционной культуры, связанная с их функционированием, представляет собой пограничное явление. Наименования / номинативы принадлежат языку, текстовые образования - фольклору. Как явление языка они - знаки, как фольклора - модели коммуникативных ситуаций. Оба эти свойства сочетаются в речевом фольклоре (различных пословичных и поговорочных изречениях). Речевой фольклор обладают сильной интенцией, иллокутивными свойствами. Его вербализация происходит в типовых ситуациях. Анализ культурно-значимых ситуаций, в которых произносились прозвищные паремии, позволил выделить приветствия, инвективы и другие жанры речевого фольклора.

В прозвище оценочное преобладает над номинативным. Большую часть этого феномена культуры составляют пейоративные наименования и характеристики. В прозвищных паремиях были выделены топики, содержащие ключевые слова, большая их часть репрезентирует «антиценности» локальных групп (*воры, пьяный(е), глупый(е)* и пр.), что соответствует коммуникативно-когнитивным особенностям всей прозвищной культуры. В дискурсе, посвященном собственной деревне, высокую частотность имеет когнитивное метафорическое замещение названия деревни градонимом *Москва*.

Перспективы данного исследования заключаются в дальнейшем изучении функционирования ЛГП в различных паремиях, выявлении через них особенностей локального самосознания, в издании словаря ЛГП и текстов, содержащих их.

В Приложении I «Корильные песни и частушки о разных по наименованиям деревнях» даются 30 песен и несколько частушечных спевов, подвергшихся анализу в диссертации и находящихся в архиве Лаборатории фольклора Поморского государственного университета. Исключение составляют песни «Кто порещца-поцапаться?» и «Я сегодня угорела, не могу». Первая из них находится в Научной картотеке топонимов Карелии, вторая - в Рукописном отделе Института русской литературы РАН (г. Санкт-Петербург).

В Приложении II «Прозвищный тезаурус Архангельской области» представлены 185 текстов, содержащих объяснения ЛГП. Все они находятся в архиве Лаборатории фольклора Поморского университета и составляют отдельный фонд (№ 30). Некоторые из публикуемых материалов являются краткой мотивацией прозвищ, другие представлены различными в жанровом отношении произведениями (нарративами, дразнилками, пословицами, поговорками и т. п.).

6 текстов относятся к сельским сообществам Вологодской области, на наш взгляд, они являются наиболее репрезентивными.

В Приложение III помещен список исполнителей (890 человек).

В Приложение IV находится список собирателей (340 человек).

Приложение V представляет собой словарь диалектной и малоупотребительной лексики, встречающейся в тексте диссертации.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера: функциональность, жанровая природа, этнопоэтика. Архангельск: Изд-во Помор, ун-та, 2004 г. 432 с. (25 п. л.)
2. Прозвищный фольклор // Традиционная культура, 2002, № 1. С. 71-77.
3. Песни-дразнилки как диалог между полами // Вестник Поморского университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. Архангельск: Изд-во Помор, ун-та, 2003. № 1 (3). С. 76-85.
4. Прозвищный континуум и иноэтические образы // Народные культуры Русского Севера. Фольклорный энтитет этноса: Материалы российско-финского симпозиума (Архангельск, 3-4 июня 2001 г.). С. 75-84.
5. Образ жителя Севера в анекдотах // Народные культуры Русского Севера. Материалы российско-финского симпозиума (Архангельск, 20-21 нояб. 2003 г.) Архангельск: Изд-во Помор, ун-та, 2004. Вып. 2. С. 106-122.
6. Присловья-прозвища в севернорусском фольклоре // Русская народная культура и ее этнические истоки: Пошехонские чтения-99. М.: Сов. писатель, 1999. С. 59-69.

7. Образ архангелогородца в присловьях-прозвищах: Доклады 3 Междунар. науч. конф. «Рябинские чтения-99» (Петрозаводск, 20-24 сент. 1999 г.). Петрозаводск, 2000. С. 69 -74.
8. К вопросу об изучении и собирании коллективных прозвищ // Славянское слово в литературе и языке: Материалы междунар. науч. конф. «Славянская народная культура в современном мире» (Архангельск, 17-18 сент. 2002 г.). Архангельск: Изд-во Помор, ун-та, 2003. С. 37-44.
9. Табуирование имени: архангельское прозвищное имянаречение // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: Междунар. науч. конф «Рябинские чтения-2003» (Петрозаводск, 15-19 сент. 2003 г.). Петрозаводск, 2003. С. 291-294.
10. Образ соседа в прозвищных нарративах // *Meninis tekstas: Suvokimas. Analize. Interpretacija*. № 4. Vilnius: Izdatelstvo VPU, 2004. С 210-219.
11. Локально-групповые прозвища в речевом фольклоре // Комплексное собрание, систематика, экспериментальная текстология: Материалы Школы молодого фольклориста (Архангельск, 21-23 нояб. 2003 г.). Архангельск, 2004. С. С. 25-39.
12. Севернорусские присловья-прозвища и их семантические типы // Свеча-99: Истоки: Сб. науч. и метод, ст. по религиоведению и культурологии. Архангельск: Изд-во Помор, ун-та, 1999. Вып. 2. С.89-97.
13. Прозвищный фольклор: состав и проблематика изучения // Народная культура Русского Севера. Вып. 2.: Материалы республиканской школы-семинара (Архангельск, 9-10 ноября 1998 г.) / Отв. ред. Н.В. Дранникова. Архангельск, 2000. С. 58-73.
14. Иноэтнические образы в прозвищном фольклоре // Музей и краеведение на Европейском Севере: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Петрозаводск, 8-11 октября 2001 г.). Петрозаводск, 2001. С. 57-61.
15. Корильные песни о деревнях // Комплексное собрание, систематика, экспериментальная текстология: Материалы IV Междунар. Школы молодого фольклориста (Архангельск, 6-8 июня 2002 г.). Архангельск, 2002. С. 68-76.
16. Локально-групповые присловья-прозвища Русского Севера: их функциональность и контекстуальность // *Gwary dzis. 3. Wewn?trzne zroznicowanie jezuka wsi* (Obrzysko, 13-16. 10.2004). Poznan, 2005. С. 15-30.
17. Архангельские прозвищные нарративы: проблема жанра и семантики // Гуманитарные исследования и гуманитарное образование на Европейском Севере: Сб. материалов Междунар. науч. конф. (Архангельск, 16–18 сентября 2002 г.). Архангельск: Изд-во Помор, ун-та, 2002. С. 413 - 416.
18. Мотивация прозвищ: центральные архангельские концепты // Этнопоэтика и традиция. К 70-летию члена-корреспондента РАН В.М. Гацака. М.: Наука, 2004. С. 146-151.

19. Коллективные прозвища (присловья-прозвища): Итоги фольклорной экспедиции в д. Марьино и Шотова // Экология культуры. Архангельск, 2003. № 2. С. 221-223.
20. Мужской и женский текст в песнях-дразнилках о деревнях // «Мужское» в традиционном и современном обществе: Материалы науч. конф. (Москва, 16-18 апреля 2003 г.). М., 2003. С. 31-32.
21. Песни о разных по наименованиям деревнях Каргопольского и Пудожского уездов Олонецкой губернии // Материалы 1-й Всероссийской науч. конф. «Кенозерские чтения» (18-22 авг. 2003 г.). Архангельск, 2004. С. 49-64.
22. Символика мужского в песнях-дразнилках о деревнях // Мужской сборник. Вып. 2: «Мужское» в традиционном и современном обществе: Константы маскулинности. Диалектика пола. Инкарнации "мужского". Мужской фольклор / Сост. И.А. Морозов, отв. ред. Н.Л. Пушкарева, Д.В. Громов М., 2004. С. 252-255.
23. Прозвищные паремии // Вятский родник: Сборник материалов VII науч.-практ. конф. / Отв. ред. В.А. Поздеев. Киров, 2004. С. 18-21.
24. Прозвищное имяназачение // Сельская Россия: прошлое и настоящее. Вып. 3. Доклады и сообщения IX Российской науч.-практ. конф. (Москва, 6-8 дек. 2004 г.). М., 2004. С. 475-479.
25. Фольклор как «индикатор» этнической / локальной идентичности // Экология культуры: Информационный бюллетень. Архангельск, 2005. № 1. С. 10-20.
26. Прозвищный ономастикой Каргополья // Народный костюм и обрядность на Русском Севере: Материалы VIII Каргопольской науч. конф. / Науч. ред. Н.И. Решетников; сост. И.В. Онучина. Каргополь, 2005. С. 338-347.
27. Устные рассказы о происхождении локально-групповых прозвищ // Традиционная народная культура вычегодского региона. Архангельск: Изд-во Помор, ун-та, 2005. С. 15-21.

Приняты к публикации

28. Прозвищные частушки: к вопросу о локальной идентичности // В.И. Симаков и народное творчество: Материалы науч-практ. чтений, посв. 125-летию В.И. Симакова (Тверь, декабрь 2004). Вып. 3. Тверь, 2005 г. (9 с.)
29. Некоторые вопросы прозвищного имянаречения на Русском Севере: ключевые локально-групповые прозвища Архангельского региона // Материалы Междунар. науч. конф., посвященной 30-летию со дня открытия Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» (Архангельск, 19-20 июня 2003 г.) Архангельск, 2005. (10 с.)
30. Коллективные прозвища как показатель локальной идентичности // Этнокультурные процессы на Кольском Севере. Апатиты: КНЦ РАН, 2005. (10 с.)

Подписано в печать 4.03.2005
Формат 60x84 $\frac{1}{16}$. Бумага писчая. Тираж 100 экз.
Объем 2,2 п.л. Заказ № 46

Издательский центр ПГУ
163002, Архангельск, пр. Ломоносова, 6